

ВИТАЛИЙ ПИЩЕНКО

УЩЕЛЬЕ ЗЛЫХ ДУХОВ

СИБИРСКИЙ
ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЙ
РОМАН

Сибирский приключенческий роман

Виталий Пищенко

Ущелье злых духов

«ВЕЧЕ»

2017

Пищенко В. И.

Ущелье злых духов / В. И. Пищенко — «ВЕЧЕ»,
2017 — (Сибирский приключенческий роман)

ISBN 978-5-4484-7029-5

Группа туристов, совершавших сплав по далёкой сибирской реке, неожиданно исчезает. Следы ведут в безлюдный угрюмый распадок, туда и направляются разыскивающие пропавших. Они даже не представляют, что ждёт их в этих странных и таинственных местах... Новый роман автора многих приключенческих и фантастических произведений, хорошо известных нашему читателю.

ISBN 978-5-4484-7029-5

© Пищенко В. И., 2017

© ВЕЧЕ, 2017

Содержание

Ущелье злых духов	6
Пролог	6
Глава первая	9
Глава вторая	23
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Виталий Пищенко

Ущелье злых духов

Знак информационной продукции 12+

© Пищенко В. И., 2017

© ООО «Издательство «Вече», 2017

Ущелье злых духов

Пролог

Темнота окутала землю неожиданно быстро. Слились в чёрную полосу проплывающие мимо берега реки, заметно потемнели тревожно шепчущие что-то водные струи, лишь островки пены продолжали сереть в наступившем мраке.

– Рано что-то... – озадаченно протянул Сергей.

Гондола катамарана, на которой он устроился, проседала всё глубже, воздух из прорвавшегося мешка продолжал выходить, и Востриков погрузился в воду чуть ли не по пояс.

– Вечер же... – отозвалась Елена, чтобы хоть что-то сказать.

Молчать уже было не вмоготу, непонятно откуда взявшееся беспокойство не отпускало, давило на сердце.

– Вечер вечером, но до захода солнца ещё больше часа, – откликнулся Сергей.

– Ай, перестань! – разлепила губы Анна. – Хронометр твой ни в одну починку не примут, а наши с Ленкой часы нахлебались воды по самое не могу... И не нужно говорить о внутреннем чувстве времени, у меня такое ощущение, что мы уже неделю по этой чёртовой реке плетёмся...

– Всё равно ничего не понимаю, – миролюбиво пояснил Востриков. – Как ни крути, а до темноты нас должно было донести до жилых мест. Течение приличное и вообще...

– Вообще!.. – перебила его Анна. – Ясно же, что драндулет наш ползёт медленнее, чем мы рассчитывали. Твоя гондола почти затонула, да и нас с Ленкой вода уже вовсю захлёстывает. На поперечины я и смотреть боюсь, того и гляди совсем разойдутся. Придёт полная хана нашему плавсредству, что делать будем?

– Не бойсь! – Сергей улыбнулся, но бодрость его выглядела слишком искусственно. – Этот старичок нам ещё послужит. В крайнем случае на берег выберемся...

– Отличная идея! – фыркнула Анна. – На такую крутизну и с двумя-то руками чёрта с два заберёшься, а уж с одной...

– Ты как себя чувствуешь, кстати? – обеспокоенно спросил Востриков.

Анна подавила всё более нарастающее раздражение, постаралась посмотреть в сторону мужа как можно ласковее.

– Терпимо... – она пошевелила пальцами обмотанной руки. – Перелома точно нет, да и на вывих не похоже. Скорее всего, сильный ушиб, скоро пройдёт.

– Ты, подруга, поаккуратнее всё же... – подала голос Ленка, предпочитавшая не вмешиваться до этого в диалог супругов. – Слушай, Серёжка, на каком берегу деревня эта, как её там?..

– Ахтимнеево, – откликнулся Востриков. – На правом.

– Придумали же имечко... – неизвестно кому пожаловалась Елена, потом озабоченно произнесла: – А нас влево отжимает...

– Заметил уже, – сварливо отозвался Серёга. – А что делать? Выгрести поперёк течения мы едва ли сможем. Да и смысла в этом пока не вижу. Покажется деревня, тогда уж...

– Подозреваю, что Ахтимнеево это освещено хуже Красного проспекта! – фыркнула Ленка. – Как бы нас мимо не пронесло, не видно уже ни фиги. Хотя, честно говоря, и мне казалось, что до заката ещё прорва времени...

Договорить не успела. Что-то зашуршало под днищем совсем просевшей в воду гондолы Сергея. Толчок – и сразу же затрещали поперечины.

Елена соскользнула в воду, с силой надавила на гондолу, которую тянуло к стрежню, стараясь не дать хлипкому сооружению окончательно развалиться. К счастью, здесь оказалось неглубоко, ноги твёрдо встали на дно.

– Сиди! – прикрикнул на Анну Востриков, уже оказавшийся рядом. – Мель, что ли?..

Совместными усилиями они оттолкнули катамаран к мрачно нависающему над головами берегу. Течение здесь почти не ощущалось.

– Бухточка, – констатировал Сергей. – Сейчас посмотрю, куда нас занесло.

Он похлопал к берегу. Анна молчала, вцепившись левой рукой в ремень гондолы. Ленка попыталась осмотреться. Нечего не видно. Чёрный берег, чёрная вода. Нет, похоже, ближе к середине реки что-то просматривается...

– Здесь промоина! – крикнул невидимый в темноте Серёга. – Похоже, русло пересохшего ручья. Крутизна, и песок под ногами плывёт...

– Осторожнее! – встревожилась Анна.

– Уже возвращаюсь, – нечёткий силуэт приблизился. – Отмель там, – сообщил Востриков. – Небольшая. По промоине, по-моему, можно на обрыв подняться.

– Посмотри-ка, – Елена указала рукой. – Есть там что-то, или мерещится мне?

– Проверим! – загорелся Сергей.

– Осторожнее... – опять попросила Анна.

– Здесь неглубоко... Течение, правда, сильное. И тесно, берег совсем рядом, боюсь, не пройдёт наш катамаран... Ага... Выбрался я на остров... Сейчас, девчонки, ещё пять минут... Всё, возвращаюсь!

Шлепки по воде, потом из ночной черноты вынырнул насквозь промокший Серёга.

– Значитца, так... – отдуваясь сообщил он. – Островок, причём достаточно маленький. Зарос ивой. В общем, ни черта интересного. По-моему, надо выбираться под обрыв, на эту отмель. Там какие-то сучья и гнилушки валяются, на костёр хватит, а спички у нас, слава богу, есть. Можно, конечно, остров этот обойти и дальше сплавляться, но этот вариант мне активно не нравится.

– Разве здесь лучше? – тихо спросила Анна.

– Выхода нет. Права Ленка: махнём мы мимо Ахтимнеева и не заметим его в темноте. А до следующего жилища чуть не сотня вёрст... Сейчас костёр распалим, отогреемся немного, а рассветёт, постараемся катамаран подшаманить. Перекусим тем, что сохранилось. Плыть немного осталось, так что с голоду умереть не успеем.

– Не в том дело... – зябко поёжилась Анна. – Не по себе мне что-то, тревожно, неудобно...

Елена промолчала, хотя и она испытывала странное желание как можно быстрее покинуть это место, а Востриков ласково привлёк жену к себе и сказал:

– Это у тебя из-за руки. Болит?

Анна молча кивнула.

– Вот видишь. Кого здесь бояться?

Словно в ответ на этот вопрос откуда-то издалека донёсся сдавленный стон, будто кто-то невидимый жаловался на зря прожитую жизнь, тосковал о потерянном, зная при этом, что вернуть ушедшее уже невозможно...

– Что это? – испуганно встрепелась Елена.

– Не знаю... – Сергей явно был растерян.

Немного помолчав, он добавил:

– Птица какая-нибудь. Медведей и волков мне слышать доводилось, это не они, а других серьёзных хищников здесь не водится...

Из-за обрыва выкатился тонкий серпик молодой луны. Слабенький свет упал на пласт тумана, тяжело сваливающийся с берега на реку. Местами его плотное полотнище прокалывали стволы давно умерших деревьев, безуспешно пытающихся удержать упорно вырывающе-

еся бесформенное существо, но оно продолжало своё движение, не обращая внимания на цепкие пальцы древесных мертвецов...

Глава первая

1

«Паршиво, когда день начинается со звонка Тёмы. Ведь не напоминал о себе, паразит, бог знает сколько времени, мог бы и ещё пару-тройку десятилетий подождать...»

Олег выругался сквозь зубы, прошёл на балкон, пощёлкал дешёвенькой газовой зажигалкой (огонёк на её конце вспыхнул не то с четвёртой, не то с пятой попытки – везут к нам со всего мира всякую дрянь), потом с тоской уставился на тёмные кроны тополей. Листья тяжёлые, подёрнуты какой-то сероватой плёнкой, которую не в состоянии смыть даже то и дело обрушивающиеся на город ливни, сопровождающиеся раздирающими небеса раскатами грома.

«А с другой стороны – делать всё равно нечего, так что даже любопытно, зачем вынырнул из небытия этот придурок...»

Пару недель назад Олега с работы попёрли. Нет, внешне всё обстояло вполне благопристойно: «Уволен по сокращению кадров, в целях оптимизации затрат...». Ну и прочие благоглупости, которыми научились прикрываться разнообразные чиновнички и хозяйчики в стремительно демократизирующейся России.

В принципе ничего страшного не случилось: работа Олегу надоела до изжоги, а мурло так называемого «руководителя» уже вызывало рвотный рефлекс. Просто произошло всё достаточно неожиданно, и Алексеев решительно не знал, чем занять остающиеся два с половиной месяца безделья. «Если хочешь получать положенное по закону пособие, равное среднемесячной заработной плате, работать в течение трёх месяцев со дня увольнения тебе ни в коем случае нельзя», – пояснил давний знакомец, подвизающийся на ниве юридических заковык. Какой же дурак откажется от дармовых денег? Особенно, если проживаешь в России, где надуть государство испокон века считалось делом богоугодным? Вот и бил Алексеев баклуши, лениво размышляя о том, что неплохо было бы заняться... Чем? До конкретики мысли не доходили – путались, а потом и вовсе обрывались.

Устроившиеся на скамейке бабки-соседки, завидев прикуривающего Олега, заметно ожились, видать, нашли свежую тему для разговора. Что это они на самый солнцепёк выперлись? Обычно предпочитают укрываться в кустах, где имеется ещё одна лавочка, и оттуда зорко наблюдать за окрестностями... А, вот оно что – судя по доносящимся до балкона голосам, там обосновались представители сильной половины, избавившиеся от обязанности ежедневно ходить на работу. Чем они промышляют, никто не знает, но средств на регулярную выпивку освобождённым от труда пролетариям хватает...

– Ей-богу, не вру, мужики! Так всё и было! Несут меня, значит, пьяного драться...

Дальше сплошное «бу-бу-бу». Похоже, Мишка из соседней квартиры рассказывает о своей поездке к родственникам в деревню. Врёт наверняка, но картина представляется эпическая – перемещение богатыря (рост – метр с кепкой и каблуками, размер – сорок второй) к месту предстоящего смертоубийственного сражения...

Прошуршала колёсами по асфальту иномарка (какая именно, Олег не понял, да и не разбирался он, честно говоря, в импортных жестянках), остановилась возле подъезда. Словно чёртик из шкатулки, вынырнул из неё парень нехилого телосложения, привычно обзыркал окрестности и услужливо распахнул дверцу, предназначенную «для начальников». Тёма выдавил из автомобиля начинающую плющиться от сидения в многочисленных креслах задницу, заперевбирал жирными ножками – явно торопится. Сверху хорошо было видно, что рубашка на его спине пропиталась потом, прилипла к гладенькой спине. Буквально через минуту входной зво-

нок залился прерывающейся трелью. Олег не спеша сделал последнюю затяжку («Подождёшь, не облезешь!») и только тогда отправился открывать дверь.

Первым в квартиру просочился мордovorot-охранник. Хозяина, тоже не жалующегося на габариты, он каким-то образом умудрился не задеть – видно, получил на этот счёт строгие указания «босса». Тёма вкатился следом, не разуваясь проскочил в комнату, плюхнулся в кресло и только тогда поднял на Олега покрасневшие глаза.

– Рюмки есть?

Алексеев пожал плечами, хотел было принести запрошенное, но передумал.

– Там же, где всегда. Нужно, сам возьми.

Охранник не удержался – бровь удивлённо дёрнулась, но Тёма уже шмыгнул в кухню и захлопал дверцами подвесных шкафов. Притащил два коньячных фужера, водрузил их на журнальный столик, мордovorot извлёк откуда-то тёмного стекла бутылку и плитку шоколада, несколькими заученными пассажами создал нужную картину («Даже салфетки не забыл, зараза!»).

– Лей больше! Конкретно, по сути, – хрипло приказал Тёма.

Не дожидаясь хозяина, высосал почти полный фужер коньяка и тут же снова протянул ёмкость охраннику.

– Ты что, надираться сюда приехал? – холодно осведомился Олег.

Тёма громко икнул, перекрестил свои лоснящиеся губки, посмотрел на Алексеева взглядом затравленного зайца и наконец выдохнул:

– Ленка пропала!..

Опа! Вот этого Олег не ожидал. Никак. Прикидывал, конечно, зачем мог понадобиться Тёме, но решил, что тот ввязался в очередную авантюру, прокололся, как водится, вот и понадобилась ему помощь пусть и бывшего родственника, но человека, в журналистских кругах известного («Хрен ему», – сразу решил Олег). Того, о чём сообщил Тёма, он и предположить не мог...

Ленка приходилась Алексееву младшей сестрой. Несколько лет назад она, сильно удивив всех родственников и подруг (да, похоже, и себя), согласилась выйти замуж за Тёму, но вскоре вышибла Артишока (так Елена именovala дражайшего супруга в глаза и за глаза) за порог оставшейся ей от родителей квартиры (Олег давно уже жил своим домом).

Тёма, похоже, не очень-то и расстроился. Бабы от него воротили носы всю жизнь, но он обнаружил надёжный способ завоёвывать если не сердце избранницы, то всё остальное. Метод был предельно прост – Артишок приглашал приглянувшуюся ему даму на работу в свою «фирму» (с приличным окладом денежного содержания, естественно). Постепенно вокруг него сформировался одноэкстерьерный коллектив – девицы все были сходного возраста и одинаково блёклые (знакомый врач-венеролог как-то сказал Олегу, что они напоминают ему лобковых вшей). Умом Тёмины избранницы не блистали, да он и сам был не семи пядей во лбу. Порой в его «конторе» одновременно «трудилось» сразу несколько таких дам – как уж они умудрялись строить отношения и друг с другом, и с Тёмой, оставалось загадкой.

С Еленой созванивался бывший супруг хорошо если пару раз в году, а тут вдруг... С чего бы это такие переживания? Что-то не так... Взять бы Тёму за шиворот и потряхнуть как следует, но услужливый мордovorot едва ли разрешит такое обращение со своим хозяином...

– Подробнее... – Алексеев взял себя в руки.

Тёма быстро отхлебнул коньяк и принялся вдохновенно закладывать бывшую жену.

Ленка в последнее время сильно увлеклась рафтингом¹ (это Олег и без него знал), связалась с компанией таких же чокнутых (с этим можно было согласиться), предостережений и советов не слушала (кто же будет слушать Тёму?) и то и дело уезжала на очередную речку, «где

---

¹ Рафтинг – спортивный сплав по горным рекам и искусственным гребным каналам на надувных судах.

ещё не ступала нога человека». Тёма страшно переживал (брешет, гад), его одолевали тяжёлые предчувствия (экстрасенс хренов), и вот они сбылись. Две недели назад Елена должна была вернуться из очередной вылазки в Сибирь, но до сих пор от неё ни слуху ни духу. Почему Тёма так долго молчал? Так ведь он только позавчера возвратился из длительной зарубежной командировки, где решал вопросы государственной важности. Ночью прилетел, утром позвонил Лене, потом взялся обзванивать её подруг и знакомых, и вот... А ведь он предупреждал, причём неоднократно, он...

– Куда она уехала? – прервал вошедшего в раж экс-мужа Олег.

– На Тью! Ты ведь ей сам об этой реке, пропади она пропадом, рассказывал. Конкретно, по сути...

– Тья? – недоверчиво протянул Алексеев. – Ты что плетёшь? Река спокойная, ни порогов, ни завалов. Что там могло произойти?

– Ну, не совсем на Тью, а на один из её притоков. Тушкан... Тушкун... Тушкеш...

Тушкеш! Это другое дело. Это серьёзно. Горный поток, свирепо ворочающийся в узком ущелье. И людей вокруг на сотню километров не найдёшь днём с огнём. Не дай бог, что случится...

– К спасателям обращался?

Какие там спасатели?! Тёма безнадёжно махнул рукой и опять потянулся к фужеру. Твердят, что группа, в которой ушла Ленка, нарушила какие-то правила, о чём-то не сообщила... В общем, им всё до лампочки. Он, Тёма, видит один способ: срочно вылететь на этот чёртов Тушкан и разобраться со всем на месте... Ночью уходит рейсовый самолёт. Потом до места их подбросят вертушкой. За неё уже заплачено. Лодка, палатка и прочие причиндалы тоже закуплены. Сам Тёма в этих местах не бывал, поэтому очень рассчитывает на Олега... Ну, любит он Елену, любит! Да, скрывал это, да, пытался справиться со своим несчастьем так же, как пьяница топит горе в чарке. Но теперь-то, когда такая беда, нужно не старое вспоминать, а попытаться сделать всё, что можно и даже нельзя!.. Времени на то, чтобы утрясти свои дела, Олегу хватит? Вот и отлично! Тёма тоже кое-что порешает и заедет за ним...

Хлопнула входная дверь. Исчезли и Тёма, и его охранник, так и не произнёсший ни единого слова. Остался слабый аромат коньяка (Олег к своему фужеру не притронулся) и забивающий его липкий запах пота Тёмы. А ещё – острая тревога за непутёвую сестрицу и смутное ощущение, что крутит её бывший мужёк, явно не договаривает чего-то, хитрит...

2

Утро всё увереннее набирало силу: небо наливалось тёмно-розовым цветом, горы стремительно синели. Олег устроился на не потерявшем ещё ночного холода валуне и, прислушиваясь к ругани Тёмы с командиром вертолёта, смотрел на тёмный поток Тушкеша, уносящийся в глубь узкого и мрачного ущелья.

Угораздило же сестрицу забраться в эти богом забытые места! Хотя... Не по Ельцовке же им сплавляться...

Во время перелёта на трясущемся как в лихорадке «боинге» Алексеев выбил из Тёмы всё, что тот знал об очередной Ленкиной аванюре. Вот только оказалась эта информация на редкость бедной.

Компанию сестрице на этот раз составили супруги Востриковы. Это хорошо, подумал Олег: Анка и Серёга – ребята нормальные. Правда, не без загибонов – попадёт под хвост шлея нового увлечения, не остановишь. А увлекались Востриковы всем – от телепатии до инопланетян, которым, похоже, больше делать нечего, как инкогнито шлаться по нашей планетке. Пару лет назад Алексеев угодил на заседание банды атлантологов, которыми руководил как раз Сергей Востриков, и запомнил вдруг застекленевшие глаза этих чудиков, которые рассказывали

о гибели загадочного континента так, словно сами при этом событии присутствовали. А уж в общественном устройстве утопшего острова они разбирались явно лучше самих атлантов...

Обижать ребят Олегу не хотелось (пускай лучше этой безобидной дурью маются), и статью о «мероприятии» он написал сдержанно, избегая так и просившихся на бумагу ехидных выпадов и выводов. А потом в газету хлынул поток благодарственных откликов, авторы которых утверждали, что статья Алексеева расширила их кругозор, заставила по-иному взглянуть на окружающую обыденность, вызвала безумный интерес к истории и т. д. и т. п. Олег не знал, смеяться ему или плакать, но, поразмыслив, пришёл к выводу, что иного ожидать и не стоило – народ наш, с радостью отринув социалистическую идеологию и уверенность в скором построении коммунизма, срочно искал новых идолов, ибо свято место пусто не бывает. А что уж там заполняет образовавшийся вакуум – неважно...

Итак, Востриковы. Намечавшийся четвёртым участник похода в итоге «остался за бортом» – не то что-то сломал, не то кого-то родил, но от перспективы покорить Тушкем он отказался. Так компания и отправилась на вылазку по Сибири в усечённом составе.

Сплав Ленка со товарищи начинали именно отсюда – другого подходящего места попросту нет. Молчаливый охранник Тёмы (тот называл его Витьком) обнаружил ещё одно доказательство того, что они находятся на верном пути – гурий, сложенный из небольших булыжников, внутри которого оказалась тщательно запечатанная банка, а в банке – записка. Из неё следовало, что здесь начинают покорение Тушкема мужественные первопроходцы («Первопроходимцы чёртовы!») Алексеева и Востриковы. Помимо записки в банке лежала и полароидная фотография. Ленка на ней стоит рядом с Анной – рот до ушей, непокорные пряди волос вздыблены ветром, на груди – любимая подвеска, некогда привезённая тогда ещё её мужем не то из Турции, не то из Египта. Тёма утверждал, что эта потускневшая бляха имеет огромную историческую ценность, что он заплатил за неё бешеные деньги последнему потомку впавшего в бедность древнейшего и благороднейшего рода, что... Олег, знавший о патологической жадности зятя, в эту байку не верил: купил небось, обормот, безделушку за сущие гроши у такого же жулика, как и он сам, а теперь пускает пыль в глаза. Зато Ленке висюлька понравилась, и она носила её «и в праздники, и в будни»... Так вот, фотографировались подруги на фоне странной полосатой скалы, и именно эту скалу Алексеев теперь созерцал воочию.

Узрев записку и снимок, явно воспрянувший духом Тёма предложил срочно загрузиться в вертолёт и пролететь по ущелью, зависая в подозрительных местах, дабы внимательно осмотреть берега клятого Тушкема. Выслушав эту идею, вертолётчик посмотрел на Артишока, словно на умалишённого, только что пальцем у виска не покрутил. Витёк тоже бросил на своего босса взгляд, в котором одобрение явно не просматривалось (вообще-то парень этот чем дальше, тем больше нравился Олегу – сдержан, от работы не отлынивает, если за что-то взялся, то сделает, что называется, на «ять»).

И вот уже добрых полчаса Тёма и вертолётчик выясняли отношения, причём если летун пускай и нечасто, но вкраплял в свои реплики печатные слова (типа, что он не самоубийца), то представитель народившегося бизнеса ухитрялся обходиться исключительно непечатными. Наконец Тёма яростно сплюнул и ухватился за здоровенный радиотелефон, которым явно гордился. Мата стало поменьше (хотя термин «бабки» то и дело изящно сплетался с известной матерью), зато зазвучали какие-то фантастические цифры в сочетании со словами «уплатил», «долг» и «вернёшь». Похоже, что спустя какое-то время договаривающиеся стороны пришли наконец к «консенсусу», Тёма удовлетворённо хрюкнул, бросил на вертолётчика ещё один злой взгляд и, ни к кому конкретно не обращаясь, спросил:

– Делать-то что будем?

– Так, по-моему, и вариантов нет, – спокойно отозвался Олег. – Нужно перелететь к устью Тушкема и там внимательно всё осмотреть. Если с ними, не дай бог, на этой стремнине что-то случилось, река всё равно что-нибудь да вынесет.

Секьюрити тратить слова не стал, но кивнул – верная, мол, мысль.

– Значит, пошевеливаемся! Конкретно, по сути. Время – это деньги! – скомандовал Тёма и потянул из внутреннего кармана куртки фляжку с коньяком, надо думать, чтобы смочить пересохшее за время ругани горло.

К фляжке этой он начал прикладываться, ещё до того, как они разыскали на аэродроме зафрахтованный вертолёт, объявив при этом:

– Иначе наверняка укачает.

Почему Артишок пришёл к такому выводу, Олег не знал, ибо Тёма ещё в самолёте признался, что никогда в жизни на «вертушке» не летал. Сам Алексеев от предложения принять участие в возлиянии отказался, а Витьку благородный напиток Тёма и не предлагал.

Место для посадки обнаружилось только на противоположном от места впадения Тушкама берегу Тыи. Тёма опять что-то завякал, но пилот, которому он уже явно осточертел, заявив в очередной раз: «Я не самоубийца», – надменно сомкнул уста. Лишь на угрозу пожаловаться неведомому шефу спокойно пояснил, что ни радиотелефон, ни какая иная связь здесь не работают, так что...

Пришлось спускаться с обрыва, таща на себе весь груз. Как они не посворачивали себе шеи, а потом умудрились надуть лодку и закрепить на ней подвесной мотор, для Олега навсегда осталось загадкой. Но, по утверждению опытных людей, все трудности рано или поздно остаются позади, и они переправились-таки через достаточно спокойную и неширокую здесь Тыю. «Вертушка» осталась на обрыве в ожидании того, какую ракету отправят в небо убывшие: зелёную, значит, лети себе, голубь, лети, ну а если красную – жди, возвращаемся.

В нескольких сотнях метров от устья вспарывающего гладь Тыи Тушкама нашлась небольшая бухточка, в которой удалось приткнуть лодку, не опасаясь, что её унесёт течением. Вскарabкались на невысокий здесь берег и, ориентируясь на шум вырывавшейся из горных тисков реки, отправились к очередной цели.

Поначалу пришлось прыгать с камня на камень, потом дорога стала полегче, и Тёма перестал ныть. Витёк продолжал за хозяином приглядывать – а ну как умудрится куда-нибудь сверзиться, Олег же ускорил шаги, словно несколько минут промедления могли что-то решить. Беспокойство за непутёвую сестрицу не отпускало, начала мерещиться всякая чертовщина: обломки катамарана, истерзанные о камни тела... Чтобы отогнать эти совсем ненужные сейчас мысли, Алексеев решительно помотал головой, но тревога не уходила, сердце билось всё быстрее, всё беспокойнее...

Если идёшь по незнакомой дороге, далеко не всегда идущий впереди первым оказывается на месте. Вот и Олег забрёл в места совсем уж непроходимые, а когда выбрался из каменного тупика, его спутники уже подходили к хорошо видимому потоку ярящегося даже в устье Тушкама. Пришлось поднажать.

– Осторожнее, босс! Пустите меня вперёд, – голос Витька прозвучал неожиданно, и Тёма испуганно дёрнулся.

– Что? Чего?

– Следы не затопчите, – спокойно пояснил секьюрити.

– А-а-а... – с облегчением протянул Артишок. – А то я уж бог знает, что подумал... Конкретно, по сути. Ну, давай, смотри, зоркий ты наш сокол, – и Тёма, с облегчением опустив зад на гладкий валун, вновь потянулся к заветной фляжке, которую старательно наполнил перед спуском с чёртового обрыва.

Олег огляделся. Ничегошеньки вокруг не было видно необычного. Беснующийся поток Тушкама, выглаженные водой скалы, камень под ногами, небо над головой – и только... Никаких следов кораблекрушения. Однако Виктор, похоже, что-то сумел углядеть и теперь внимательно всматривался в неширокую полоску песка и гравия, приткнувшуюся к скальной стенке.

Нагнулся, аккуратно отложил в сторону какой-то плоский камень, порылся под ним и наконец удовлетворённо заявил:

- Были они здесь. Все трое. Вот только когда именно, определить не берусь.
- Ты что же, вправду следопыт? – спросил Олег.
- Куда там... – неожиданно сконфузился Виктор. – Так, приходилось...
- С чего ты это взял? – требовательно вклинился в разговор Тёма, оторвав задницу от валуна и подойдя поближе.
- Смотрите сами... – охранник показал на вырытую им ямку. – Три упаковки от суточного пайка. Точно такие же, как у нас.
- Верно! – оживился Артишок. – Мы их у Макса брали, Еленка тоже. Я ещё насчёт скидки договорился. Конкретно, по сути...
- Сдается мне, что поломались они в горах, – продолжил Виктор, не слушая босса. – Здесь подшаманились и поплыли дальше.
- А это как ты надумал? – удивился Тёма.
- Здесь деревце росло, – Виктор положил ладонь на невысокий пенёк. – Его срезали ножом. Совсем недавно. А в яме с упаковками щепки лежат. Явно от него. Так что...
- Ну и где их искать? – сварливо спросил Тёма. – Куда они поплыли? Конкретно, по сути?
- Надо думать, вниз по реке, – усмехнулся Олег.
- Почему?
- А ты попробуй на вёслах против течения пойти. Садись в лодку и – вперёд. А мы посмотрим, далеко ли сумеешь уплыть. Что уж говорить о сломанном катамаране...
- Но внизу-то Тыйск! – завопил Тёма. – А я туда дозвонился, всех нужных людей на уши поставил. Конкретно, по сути. Не приплывали они туда, не приплывали!
- Берега нужно будет внимательно осмотреть, – предложил Виктор. – Авось что-нибудь и подметим.
- Да уж... – удручённо согласился Олег. – Хотя ума не приложу, как можно больше двух недель плыть по течению и никому не попасть на глаза. Да ещё практически без продуктов...
- О, напомнил! – встрепнулся Тёма. – Пора бы уже и пожрать.
- На ходу перекусим. Время-то уже давно за полдень. А нам до темноты край нужно до Ахтимнеева добраться.
- Куда? – удивился Артишок.
- Деревушка такая. Километрах в сорока отсюда. Совсем маленькая, когда я сюда приезжал, всего-то дворов двадцать в ней было. Может, там что узнаем. Да и ночевать в тайге мне совсем не хочется.
- А телефон там есть? – осведомился Тёма.
- Ну а как же? А также фидонет² и кабельное телевидение... Ты что, с Луны свалился? Запускай-ка, Виктор, зелёную ракету, пускай «вертушка» летит по своим делам.
- Лучше на ней доберёмся. Конкретно, по сути, – недовольно скривился бывший зять.
- Можно, – покладисто согласился Олег. – Только пока ты обратно на обрыв залезешь да с летуном сговоришься, мы уже в Ахтимнееве будем.

Поначалу Тыя несла свои воды среди одинаково обрывистых берегов, потом они заметно отступили, левый остался таким же скалистым и неприветливым, зато правый мало-помалу понизился, а там и вовсе перешёл в обширную болотину, поросшую редкими и чахлыми листовенницами. Через несколько километров среди болот стали промелькивать сухие участки, их становилось больше, потом они слились в поросшую жёсткой травой равнину, сразу за кото-

---

² Фидонет – международная любительская компьютерная сеть, в бывшем СССР была популярна до конца 1990-х годов (до массового распространения интернет-технологий).

рой стояла тёмная и неприветливая стена тайги. И по-прежнему никаких следов присутствия человека...

Мощность лодочного мотора, похоже, Олег переоценил – темнеть начало задолго до того, как они добрались до жилых мест. Последние километры едва ползли, и Алексеев до боли в глазах всматривался в сливавшийся с чернотой берег – боялся, что проскочат они невеликую деревеньку.

– Там что же и света нет? – брюзгливо осведомился Тёма.

– Движок свой у них, – обронил Олег.

– Понятно... – со знанием дела констатировал Артишок. – Неперспективный населённый пункт. В такие ни один серьёзный бизнесмен бабки не вложит. Это при прежней дурной власти на них тратились, а у демократической России есть более важные дела! Конкретно, по сути.

– Заткнулся бы ты, а, – сквозь зубы посоветовал Олег. – Без тебя тошно...

Тёма неожиданно послушался. До горбачёвской «перестройки» был он ярким приверженцем социалистической идеи. После окончания десятого класса выклянчил направление в Москву, в Высшую комсомольскую школу. Был там факультет-четырёхлетка для рано созревших карьеристов, не имевших ни знаний, ни жизненного опыта, зато азартно проводивших комсомольские собрания, субботники и прочие политинформации. Что-то похожее на техникум для будущих деятелей на подхвате. Не исключено, что и там попадались нормальные и неглупые ребята, но Артишок к их числу явно не относился. Диплом он получил вместе с распределением в отдалённый райком, где и доверили Тёме чрезвычайно ответственную, но самую низкую по рангу должность инструктора. Если и был Артишок недоволен, то никак этого не показывал, наоборот, прославился редкостным рвением, а также тем, что назубок знал биографии всех членов и кандидатов в члены Политбюро ЦК КПСС. Вот только требовались в сельском районе совсем другие знания, а в агрономии, зоотехнии, равно как и в механизации с экономикой разбирался Тёма, как свинья в апельсинах. Так бы и засох бедолага на корню, но папаша сумел-таки после долгих попыток перетащить своё чадо в город, а потом и ветры над страной задули совсем иные. Новенький ещё партбилет Артишок публично порвал и бросил в костерок, разожжённый в урне, а там и вовсе сумел урвать какой-никакой куш в затеянном комсомольскими работниками последнего призыва дележе немалой собственности, накопленной поколениями добровольцев и энтузиастов. Вместе с удачно оприходованным обзавёлся Тёма новыми мыслями и убеждениями. Но Олег-то ещё помнил только начинающего подёргиваться жирком «выюношу», надсаживающегося на разнообразных партийно-комсомольских праздниках и только что не молившегося на портрет Карла Маркса... Сам Алексеев не переживал в годы, когда сие считалось модным, не собирался заниматься этим и впредь, считая, что у всякого приличного человека и без указаний и советов сверху есть принципы, которые, собственно, и дают ему право называться человеком...

– Кажись, огонёк мелькнул... – как всегда неожиданно заговорил Виктор. – Точно! Опять...

– Где? – спросил Олег, но уже и сам увидел неяркое пятно света.

На чуть более светлом, чем берег, полотне реки прорисовалась чёрная полоска, и Алексеев указал на неё:

– Вот он, причал. А свет, наверное, в доме у Якова Антоновича горит.

– Это ещё кто? – брюзгливо спросил Тёма.

– Бакенщик здешний, давний мой знакомец.

– И кому, интересно, в этой глуши бакены нужны? Конкретно, по сути? – не унимался Артишок.

– Выше по Тые, за Тушкемом, раньше рудник строили, ну и посёлок при нём. Оборудование и грузы туда баржами возили. А где баржи, там и бакенщики, без них никак, – миролюбиво пояснил Олег.

Лодка тем временем мягко ткнулась в толстые плахи причала. Алексеев ловко выбрался из неё, накинул петлю носовой верёвки на причальный колышек.

– Кого это бог прислал? – неожиданно прозвучало из темноты.

– Свои, Яков Антонович! – откликнулся, оборачиваясь на голос, Олег.

– Так свои вроде все дома... – говоривший подошел поближе, взгляделся в Алексеева. – Ты что ли, Иваныч? Вот уж неожиданность! Это какими ж судьбами?

– Беда у меня, дядь Яш... – тихо пояснил Олег.

– Вот даже как? Н-да... Ладно, приглашай своих друзей и айда в избу – серьёзные вопросы на ходу не решают...

3

Дом у бакенщика был добротный, явно типовой, разработанный с учётом особенностей местного климата. Привезли его, поди, на барже, да и собрали за несколько дней на месте, облюбованном хозяином, – так, чтобы из окон река хорошо просматривалась.

– Великоваты для меня одного хоромы, – усмехнулся бакенщик, когда они пересекли широкие сени. – Вещи вон в ту комнату проносите, в гостевую. Раньше в ней ихтиологи оставались, только давненько это уже было, да, давненько... А сейчас на всё Ахтимнеево два жителя осталось: я, да Зиновий, – и он кивнул в сторону сухонького старичка, устроившегося на стоявшем в углу старинном сундуке. – Помнишь, Олег Иванович, Зиновия?

– Как не помнить! – и Алексеев шагнул с протянутой рукой к старику, распутившему морщины в радостной улыбке. – Здравствуй, Зиновий. Как жизнь?

Смуглые широкие скулы старичка вновь дрогнули, раскосые глазки сощурились.

– Хорошо, спасибо, всё хорошо, – и он тут же пожаловался: – Табак совсем мал-мала остался...

– Ну, эта беда поправима, – Олег покопался в своём рюкзаке и протянул Зиновию несколько пачек «Примы».

– Ай, хорошо! Вот спасибо... – старичок тут же вскрыл пачку, растребушил несколько сигарет и принялся набивать табаком длинную трубку.

– А куда остальные жители Ахтимнеева подевались? – поинтересовался Алексеев у бакенщика.

– Тут видишь, Иваныч, какое дело... Когда рудник начали строить, наши мужики, кто покрепче, туда перебрались: заработки там, понятно, побольше, то-сё... Ну а потом, когда всё в стране завертелось и стройку забросили, сюда никто уже не вернулся – одни в Тыйск подались, другие ещё подальше. Сынов моих тоже сносили искать, где лучше. Ну а старики... Кто к детям переселился, а кто и на кладбище. Весной только Наталью схоронили, на сто четвёртом году убралась старушка. Ну а мы с Зиновием пока что скрипим да воздух коптим. Работы-то почитай и нет. Контора моя бакенная, правда ещё не загнулась, но чую, ненадолго это. Ну да ладно... Садитесь-ка, гости дорогие, к столу, я сейчас быстренько соображу что-нибудь перекусить, да поговорим, Олег Иванович, о твоих бедах...

Зиновий тем временем разжёг свою трубку, с явным удовольствием затянулся и выпустил к потолку огромное облако дыма.

– Что это у него имя такое странное? – шёпотом спросил Тёма, но Яков Антонович его услышал и пояснил:

– А это его поп наградил. Забыл батюшка, а может, и не знал, что местные букву «зэ» не выговаривают. Так вот и называют друга моего всю жизнь русские, как положено, а свои Синовием.

– Так-так, – удовлетворённо покивал головой старичок, а Тёма соорудил понимающее лицо и заявил:

– Ясно. Конкретно, по сути.

Выслушав рассказ Олега, бакенщик задумался, а потом отрицательно покачал головой:

– Нет, други мои, мимо нас уже с год никто из туристов не проплывал.

– Ночью-то вы спите... – заметил Алексеев.

– Так ночью никто и не плавает, – резонно заметил Яков Антонович. – Хотя... Вот как поступим. Я рано утречком проскочу вниз по реке. Там в этом году мужики в рыболовную артель сгужевались. Так они за своими сетями днём и ночью догляд имеют, мимо них никто незаметно не проплывёт.

– И мы с вами! – оживился Тёма. – Бензин я оплачу.

Бакенщик нахмурился, но заметил утвердительный кивок Олега и спорить не стал. Однако брать с собой гостей отказался категорически:

– Один я быстрее обернусь. А вы лучше отоспитесь, дорога-то, чай, неблизкая была... Ну а если и рыбаки ваших не заприметили... Думка у меня одна появилась... Есть тут местечко на другом берегу – остров небольшой, за ним подъём на обрыв и в распадок. В темноте вы его наверняка и не разглядели. Вот туда мы и наведемся.

– Шибко плохой места! – неожиданно заявил Зиновий. – Тьфу, какой плохой! Наш народ туда никогда не ходит.

– Почему? – удивился Олег.

– А вот слушай, – Зиновий вновь окутался клубами табачного дыма и лишь потом заговорил: – При царе было. Я ещё малой был, но помню. Купец приехал, говорил, в том месте много шкур добыть можно. Шибко много денег обещал. Дурной купец... Однако некоторые охотники согласились. Брат мой старший с ними был. Он только бабу взял, деньги нужны были. Купец сам тоже поехал, шкуры считать. По реке ушли, она тогда ещё не замёрзла. Четыре день прошёл, я утром рано на берег вышел. Смотрю – брат по реке плывёт. Голову видна, плечи видна, больше ничего не видна. Мимо стойбища проплыл, лицо мёртвое ко мне повернул, наверно, сказать что-то хотел, да не смог... Я шибко испугался, в тайга убежал. На другой день пришёл в чум, всё отцу рассказал. Он людей собирал, искать охотников пошли. Лодки нашли, купец нет, охотник тоже нет... Совсем, однако, сгинули. Больше никто это место никогда не ходил. Наши его Долиной Смерти кличут...

Олег заметил лёгкую улыбку, скользнувшую по губам бакенщика, и вопросительно посмотрел на него.

– Слыхал я эту историю, Иваныч, – пояснил Яков Антонович. – Да только дело в том, что сам в семидесятых годах в том распадке побывал. К нам геологи приезжали, изучали, какие в местных горах камни есть и руды. Ущелье узкое, чем дальше, тем теснее горы друг к другу прижимаются. Зверей нет, птиц и тех не видно. Место и в самом деле плохое, люди там злобятся, ругаются чуть что. Мимо проплывать и то неприятно, особенно при умирающей луне. Ни с того ни с сего тоска нападает смертная... Серьёзного ничего мы в той долине не нашли, побродили дней десять и вернулись. Однако вашим, похоже, больше забраться некуда – не в болота же они ушли, для этого нужно совсем больным на голову быть...

Олег молча пожал плечами. Да бакенщик, похоже, и не ждал ответа и закончил:

– Ну да ладно. Утро, как говорится, вечера мудренее. Давайте-ка спать...

– Помнится, тут и золотоискатели по округе шарились, – сказал Алексеев. – Может, они что-нибудь знают?

– Спыхватился, – хмыкнул Яков Антонович. – Давно уже эту братию попёрли. Откупил какой-то богатеи всю территорию, пообещал промышленное производство золотишка наладить. Да только никак не соберётся... Однако мысль ты высказал верную: заверну-ка я и к охранникам, которые день-деньской баклуши бьют, но никого на старые прииски не допускают. Крюк невелик.

– А ведь в бригадах тех лихие ребята встречались, – припомнил Олег. – Неужто без споров послушались и ушли?

– Пошумели, конечно, – усмехнулся бакенщик. – А куда денешься? Плетью, как говорится, обуха не перешибёшь. Да и что сделать можно, если охрана вооружённая на тебя зверем глядит, а вся милиция на корню скуплена?

– М-да... – не стал развивать тему Алексеев, а в памяти всплыло давно, казалось бы, забытое...

Произошла эта история в Тыйске, в небольшом стеклянном ресторанчике, располагавшемся в порту, неподалёку от причала. Командировка заканчивалась, вот и решил Олег посидеть последний вечер в компании коллег. Культурно, так сказать, провести время.

Ресторан был полон, но компания, устроившаяся неподалеку от оркестра, невольно привлекала к себе внимание. Несколько мужиков, обряженных в потрёпанные одежды (и по тайге они в этих нарядах явно побродили, и у костра не раз ночевали), вели себя очень уж по-хозяйски. Нет, не орали, не пытались как-то выделиться, но на окружающих никакого внимания не обращали. Вообще. Словно, кроме них, никого в «стекляшке» не было.

Каждые несколько минут кто-нибудь из этой компании подходил к оркестру, что-то шептал, совал руководителю мятые купюры, ну а дальнейшее предсказывалось безошибочно. Дрожанием от волнения голосом музыканты провозглашали:

– По просьбе друзей, для Сани, отъезжающего на материк, прозвучит песня «Шоколадная начинка!»

Золотоискатели осторожно поднимали неказистого мужичонку, тот безуспешно пытался свести глаза «в кучку», взмахивал рукой и вновь падал на стул, бережно укладывая физиономию между покрывающих столешницу тарелок с объедками.

«Почему на “материк”? – подумал тогда Алексеев. – Знаю, что на Таймыре принято так говорить, в Магадане, на Камчатке. Но здесь-то?»

Тем временем на посетителей опять и опять обрушивалась незатейливая мелодия – «вокально-инструментальный ансамбль» старался из всех сил.

Местным, похоже, однообразное музыкальное оформление вечера уже осточертело. Сначала несколько парней, обряженных с претензией на моду, попытались поговорить с оркестрантами, но там их явно ожидал облом: кто платит деньги, тот и заказывает музыку. Тогда нелюбители «Шоколадной начинки» решили обратиться, так сказать, к первопричине...

Гул зала внезапно стих, все лица повернулись к здоровенному мужичине, который до этого спокойно восседал во главе стола приисковиков. Теперь он стоял и исподлобья оглядывал пытающихся «качать права» местных. Потом разинул мохнатую пасть и спросил:

– Саня, они говорят, что мы золотари. Это так?

«Отъезжающий на материк» поднял физиономию – на сей раз он, похоже, не рассчитал: правая щека была обильно измазана каким-то салатом. С трудом удерживая равновесие, Саня решительно мотнул головой:

– Нет, Гена! Мы ищем и добываем благороднейший из металлов, а золотари собирают и вывозят дерьмо. Мы таким не занимаемся...

– А-а!.. – Мелькнул в воздухе невероятных размеров кулак, лязгнули чьи-то зубы, отчаянно завизжала сильно раскрашенная девица, и началось...

Олег, честно говоря, растерялся: не часто попадаешь в эпицентр эдакого побоища. Местные журналисты оказались к ситуации более подготовленными: быстренько уложили на стол стулья, за которыми и укрылись всей компанией – тарелки, бутылки и фужеры летели выше, не принося пищи братии особого ущерба.

Да и милиция не заставила себя ждать: прибыла с дивной оперативностью и в усиленном составе. Чувствовалось, что для служителей закона побоище в «стекляшке» – дело при-

вычно-обыденное. Споро и умело извлекали они из сутолоки особо азартных и лихо заталкивали их в нетерпеливо пофыркивающие моторами «воронки». Крепко помятые противники «Шоколадной начинки», правда, пытались брыкаться, зато их противники покидали изувеченную «стекляшку» с видом ратников, завершивших тяжёлое побоище. Так и не проснувшегося Саню нежно несли сразу трое «коллег». На материк, надо думать.

– И часто у вас так? – спросил Олег, когда всё завершилось.

– Если золотоискатели зайдут, то обязательно, – любезно пояснили хозяева, а после небольшой паузы уточнили: – А приходят они каждый день.

М-да... Вряд ли жители Тыйска сильно расстроились из-за того, что неведомый хапуга откупил всю золотоносную территорию...

Зато Тёму новая для него информация весьма заинтересовала.

– Золотишко, говорите... – заговорил он, выпятив нижнюю губу. – Не знал... Надо бы всё поподробнее разузнать. Это дело может оказаться перспективным...

– Не в этот раз, – осадил экс-родственника Алексеев.

Артишок вскинулся было, но неожиданно пошёл на попятную:

– Так я ж ничего... – пожал он плечами. – Конечно... Мы ж не за этим сюда приехали. Конкретно, по сути...

Выбрав момент, когда рядом никого не оказалось, Яков Антонович недовольно сказал Алексееву, понизив голос чуть ли не до шёпота:

– Не дело, ты, Иваныч, мне посоветовал. У нас брать с людей деньги за помощь отродясь принято не было. Зря я с тобой согласился...

– Так то с людей... – криво усмехнулся Олег. – А Тёму человеком называть у меня язык не поворачивается. Он из этих... новых. С таких хоть шерсти клок, как в народе говорят. Не переживай, дядь Яша, он себе ещё наворует.

– Всё равно – не дело... – покачал головой бакенщик.

– Возьми лучше побольше горючки для лодки. Подозреваю, что она нам понадобится...

– И то верно, – вздохнул Яков Антонович. – Ладно, давай покурим, да на боковую.

– Иди, – согласился Олег. – Я догоню, сигареты только возьму.

– У меня есть.

– Я к своим привык, не люблю сорта мешать...

Зиновий уже ушёл, Виктор тоже вышел из дома, а Тёма, не раздеваясь, завалился на кровать и посасывал из своей любимой фляжки. На стол, окинув оценивающим взглядом компанию, он выставить её не стал, зато теперь наслаждался в одиночестве.

– Нелёгкий денёк сегодня выдался, – заявил он, заметив Олега. – Конкретно, по сути. Хорошо, что я всё заранее продумал и подготовил.

– Вот только результата нет, – махнул рукой Алексеев. – Хотя... Что могли, то сделали.

– А я о чём? – самодовольно ухмыльнулся Артишок и неожиданно сменил тему разговора: – Как тебе мой Витёк?

– Нормальный парень.

– Он за меня кого хошь порвёт, – похвастался Тёма. – Предан конкретно, по сути, как пёс...

Он тщательно упрятал флягу в стоявшую возле кровати сумку, откинулся на подушку и почти сразу же захрапел – тоненько, с какими-то бабыми переливами.

Олег выключил свет, вернулся в комнату, где они ужинали, присел к столу. Что же всё-таки могло случиться с Ленкой и Востриковыми? Куда их занесла нелёгкая? Больше половины месяца прошло, вряд ли у них есть такой запас продуктов. Сергей, конечно, в тайге не новичок, какую-никакую еду раздобыть сумеет, но всё равно... Разве что очередная шлея под хвост

попала, а планами своими «первопроходцы» ни с кем делиться не захотели? Но всё равно, плохо это. Очень плохо...

Две фигуры темнели на берегу сердито бормочущей что-то Тыи, и Олег не спеша направился к ним. В ночном воздухе негромкие голоса собеседников были хорошо слышны. Говорил Виктор:

– У ребят позиции внизу были. Я повыше, в пещерке маленькой. А командир наш, лейтенант, ещё выше, он должен был нас с фланга прикрывать. Оттуда духи и попёрли. Ну никак они в мой сектор обстрела не попадали! А лейтенант молчит... Потом уж сообразил я, что он дёру дал... Пытаюсь прикрыть ребят, да где там... Духи с ними разобрались, а потом и за меня взялись по-серьёзному. Гранат нет, патроны кончились...

– А дальше, Витя, что было? – участливо спросил Яков Антонович.

– Дальше? Плен... Ну, об этом и вспоминать не хочется... Когда домой вернулся, рапорт написал, а в нём всю правду о том бое...

– И что?

– Ничего. Лейтенант давным-давно всё уже по-своему представил.

– Так и сошла ему эта подлость с рук?

– Он сейчас в министерстве служит, наградами за храбрость звенит... Ну а меня из армии выперли. Ни семьи, ни близких, ни профессии. Только и умею, что стрелять, да кулаком челюсти дробить. А жить на что-то нужно. Пришлось податься в секьюрити...

– Начальник у тебя какой-то... мутный.

– Хозяин... – в голосе Виктора прозвучала неприкрытая насмешка, но он тут же добавил: – Так-то он не из самых плохих... Чудаковатый немного: всё боится, что на него покушение устроят. Даже в сортир один не ходит.

– Во дела! И на кой ляд, скажи мне на милость, человеку такая жизнь?

– Ему виднее...

В такой разговор лучше не вмешиваться: кто ни подойдёт, всё равно окажется лишним. И Олег, осторожно направился обратно к дому.

4

Проснулся Алексеев неожиданно рано – свежий воздух, что ли, разбудил? Тёма мерно похрапывал в своём углу, больше в доме никого не оказалась. Ну, с Яковым Антоновичем-то всё ясно – как и обещал, помчался к рыбакам. А куда верный секьюрити подевался? Несерьёзно как-то он к делу стал относиться. Вдруг именно сейчас вывалится из леса разъярённый медведь и совершит покушение на его босса?

Олег вышел на улицу. Солнце только что взошло и ещё не разогнало лёгкий туман, стелившийся над Тыей. Подумалось: «А хорошо, что здесь почему-то нет комаров. Где-нибудь на Средней Оби, к примеру, уже сожрали бы заживо. Там без накомарника нос из дому не высу-нешь, даже рыбаки стараются держаться стрежня реки – пара метров влево, пара вправо, и на тебя наваливаются орды голодных кровососов, а до середины они не долетают, кишка тонка...»

Из ближайшей купы прибрежных кустов показался Виктор. В одной руке он держал бамбуковое удилище, в другой – кулан, на котором болтались несколько приличных рыбин. Широко улыбнулся, заговорил ещё издали:

– Ох, и рыбалка здесь! Мне вчера Яков Антонович кое-какие секреты рассказал, ну я и не выдержал, соблазнился. С детства это дело люблю! Только у нас о таком и мечтать не приходится.

– Что ж ты меня не поднял? – попенял Алексеев.

– Пожалел... Никак не могу понять, кого ж это я выудил?

Олег потянул одну из рыб за высокий спинной плавник, полюбовался на украшавшие его фиолетовые и бирюзовые полосы, погладил плотную, усыпанную чёрными пятнышками чешую. Определил:

– Это хариусы. Царская рыба, если её хорошо приготовить.

– Ну, это-то я сумею, – пообещал Виктор. – Такой обед сварганю, что пальчики оближете!

Яков Антонович вернулся к полудню. Ещё не причалив лодку, отрицательно покачал головой, а выбравшись на берег пояснил:

– Никто не проплывал. Я и с бригадиром поговорил, и с каждым из мужиков – божатся, что давным-давно никаких незнакомцев не видели. К охранникам на прииск тоже заглянул... Так что, давайте-ка, ребятки, быстренько обедать, собираться, и – в путь-дорогу.

– Долина Смерти, однако, пойдёте? – спросил Зиновий.

– Туда.

– Не нада туда ходить, Яков. Совсем не нада...

– Ничего. Бог, как говорится, не выдаст, свинья не съест. Смотри, Зиновий, ты один на хозяйстве остаёшься. А мы через несколько дней вернёмся.

Мощный мотор вместительной лодки бакенщика легко преодолевал сопротивление течения Тыи. Шли вдоль низинного берега, и Яков Антонович рассказывал о болотах, мимо которых Олег со спутниками проплывали накануне.

– Гиблые места. Ни зверю, ни человеку туда хода нет. Несколько лет назад сам видел, как медведь с лосем в трясину забрались. Ну, сохатый-то туда от безысходности метнулся, а косолапый азарт и жадность подвели. Оба сгинули.

– Да, история... – глубокомысленно изрёк Тёма. – Конкретно, по сути!

Он, похоже, так и не выспался, физиономию имел помятую и то и дело зевал, широко раскрывая пасть.

– Зимой эта болотина не замерзает, – продолжал тем временем бакенщик. – Так местные верят, что туда на время холодов все злые духи перебираются.

– Вроде как на зимние квартиры? – улыбнулся Олег.

– Примерно. А летом вся эта нечисть якобы живёт в том распадке, куда мы сейчас направляемся. Поэтому его Ущельем Злых Духов и называют.

– Зиновий вроде о Долине Смерти говорил?

– И так кличут.

– Неприятно как-то... Конкретно, по сути, – разлепил губы Артишок.

– По Сибири таких мест десятки, – откликнулся Алексеев. – Я на севере Байкала в одном побывал. Долина длинная, извилистая, с обеих сторон скалы, так что и не выбраться. На человека в тех местах слабость нападает. Геологи говорили, что это из-за тяжёлых металлов. Мало их там, но в воздух попадают и на организм действует. А заканчивается этот распадок тупиком. Если охотники по ошибке в эту долину попадут и поздно спохватятся, то могут и не выбраться обратно – продуктов-то они с собой много не берут, на добычу рассчитывают.

– Во-во, – поддакнул бакенщик. – Ошибки, они, бывает, дорого обходятся...

– А как место, куда мы идём, официально называется? – поинтересовался Виктор.

– Никак. Дальше в горы таких распадков столько, что и имён для них не напридумываешь. Дикие места, безлюдные, никто туда не забредает.

– Почему?

– А делать там нечего... Держитесь-ка, ребятки!

Лодка описала плавный полукруг, устремляясь к противоположному берегу, и пошла по течению. Стал виден небольшой остров, отделённый от берега узкой протокой.

– Здесь раньше мысок был, – пояснил Яков Антонович, – а годов пять назад, по весне, Тыя себе путь пробила. Ещё несколько сильных подъёмов – и размочит всё.

Лодка сбавила ход, потом шум мотора стих, и через пару минут они подошли к невысокой отмели. На ней лежал присыпанный песком катамаран, его резиновые гондолы заметно сдулись и осели...

* * *

Древний, изгрызенный древоточцами и временем крест, криво стоявший над размытым дождями бугорком земли, дрогнул. Качнулся раз-другой... Ещё, уже сильнее... Наконец завалился набок, от удара о землю распался на куски, и те начали медленно рассыпаться в труху... Но через несколько мгновений эти обломки потянулись друг к другу – так сбегаются к одному месту, к обречённой жертве, муравьи-убийцы... Куски дерева прижимались один к другому, слипались с неприятным натужным скрипом. И вот уже крест лежит возле могилы – такой же, изжёванный древоточцами и временем, но целёхонький...

Призрачный свет Луны тем временем упал на окрестности, и стало видно, как шевелится земля на могильном холмике. Она раздавалась, открывала путь кому-то, кто жадно стремился выбраться наружу из подземной тьмы. Вот появились на поверхности почерневшие костяшки рук, вот уже осматривает окружающее пустыми глазницами череп, а вот и весь скелет выбрался из могилы и застыл, овеваемый слабым ночным ветерком...

Кости начали обрастать плотью, она словно выталкивала из себя дождём опадающих на землю могильных червей, которые недовольно извивались, стараясь укрыться от мертвенного света ночного светила под опавшими листьями и камнями. А покрывающая костяк плоть становилась всё зримее, но это не были мышцы живого человека, скорее мертвец превращался в иссушенную беспощадным временем мумию. Сквозь кожу, покрывшую череп, проросли сивые патлы длинных свалявшихся волос, в пустых глазницах что-то появилось, и вдруг разом распахнулись веки.

Пустой взгляд лениво, ни на чём не останавливаясь, прошёлся по округе и вдруг увидел жертву. Рывком поднялись висевшие, как плети, руки, к замершему от ужаса человеку потянулись скрюченные пальцы, заканчивающиеся длинными чёрными ногтями. Они всё ближе, ещё, ещё... Горло уже явственно ощущает их холод – холод могилы...

Глава вторая

1

Та-ак... Нашли, называется... Катамаран налицо, но где Ленка, где Востриковы? Ясно, что поднялись в распадок, иной дороги с этой отмели нет. Но зачем?

И сразу же эту мысль озвучил Тёма:

– Ну, вот чего их туда конкретно, по сути, понесло?

– Это-то как раз понятно, – Яков Антонович указал на самодельную неуклюжую поперечину. Тонкий ствол дерева, который использовали для этой цели потерпевшие крушение на Тушкеме, был надломлен. – Далеко на этой технике не уплывёшь, в любой момент развалится. А вот почему они там застряли – вопрос. Большой вопрос... Однако будем в распадок подниматься.

Он надёжно закрепил лодку, трое навьючили на себя рюкзаки, заранее подготовленные и упакованные бакенщиком, Артишок перебросил через плечо модную сумку, в которой то и дело что-то позвякивало. Надо думать, не решился доверить другим свой личный «боезапас», без коего поход в тайгу не представлял...

Тонкий белесый песок тёк под ногами, норовил перехлестнуть через верх плотно зашнурованных ботинок. Якову Антоновичу легче – на нём сапоги, но и они тонут в песчаном болоте чуть ли не по обрез голенищ.

Тяжёлый рюкзак тянет назад, при резких наклонах наползает на голову...

Хорошо ещё, что подъем невысок, берег и здесь понизился, да и крутизны вроде той, с которой они скатывались, выгрузившись из вертолётки, нет... Над головой нависают глыбы, скреплённые сетью засохших корней. Но за эти мёртвые останки невидимых пока деревьев лучше не хвататься – мало того, что они хрупкие и ненадёжные, так ещё и, не дай бог, обрушишь на себя весь край обрыва...

Был случай – сидел как-то Олег с приятелем на берегу быстрой речки, под таким же вот обрывчиком, рыбу удил, и вдруг совсем рядом ухнули в воду несколько тонн земли вместе с неосторожно забредшей на опасное место коровой. Всё обошлось – выплыла рогатая, да и им повезло – а ну как потянулась бы тогда коровёнка к лакомой травке, росшей в аккурат у них над головами?..

Но вот и край обрыва приблизился. Виктор на него уже взобрался, протянул руку сначала бакенщику, потом и Олегу помог. Крепкая у парня рука, надёжная. Но Тёма за неё только с третьего раза сумел ухватиться, выскальзывала мокрая от пота ладошка. Всё, поднялись наконец-то...

Олег осмотрелся. Они стояли в устье узкого, уводящего в горы распадка. С обеих сторон вздымаются немалой высоты скалистые стенки, между ними вьётся ущелье, поросшее лиственницей, сквозь частокол почерневших стволов которой изредка проблескивают чахлые берёзки. Под ногами жёсткая трава, над ней торчит какой-то колючий кустарник – на кривых ветвях загнутые крючья, готовые вцепиться и в тело, и в одежду. Над скалами, вдали, поднимаются угрюмые, испещрённые следами камнепадов горы. В общем, весёленькое местечко, глаза б на него не смотрели...

Виктор уже переобулся – тщательно выбил из ботинок попавший туда песок, протряс носки, потом и обувкой вконец обессилевшего «босса» занялся. Правильно, жёсткие песчинки раздерут кожу, словно наждак, а со сбитыми ногами далеко не уйдёшь. Яков Антонович тщательно изучает окрестности. Посмотрел на спутников – готовы? Что ж, пора вставать...

Бакенщик вёл их ближе к правому краю ущелья, пояснив:

– Другой дороги здесь покуда нет. Подальше горы сначала помалёху разойдутся, там посмотрим.

Странно, если приглядеться, становится видно, что под ногами вьётся что-то, отдалённо напоминающее тропку. Кто по ней ходит? Зверей здесь, как говорил Яков Антонович, нет, люди тоже давным-давно в Долину Смерти не забредали. Однако же вот...

А ведь стены ущелья друг от друга отличаются. Они идут вдоль мощных гранитных скал. Или базальтовых? Кто их разберёт... Противоположный склон более покатый, почти сплошь покрыт серыми лишаями осыпей. Один плоский камень наползает на другой, какой из них лежит прочно, а какой держится на честном слове – не угадать. Неудачно поставишь ногу, и вся эта каменная лавина сдвинется с места, устремится на дно ущелья, неся с собой громадные валуны. Не дай бог попасть в такую ситуацию. Но следов свежих оползней не видеть, давненько здесь не срывались камнепады...

Похоже, бакенщик что-то заметил? Точно, к скале прислонена тщательно обструганная жердь – явно заготовка для поперечины катамарана. Немало, судя по всему, времени затратил Серёга на её изготовление: топор ребята наверняка утопили в Тушкеме, пришлось Вострикову орудовать ножом. Причём не самым лучшим ножом, как заявил, осмотрев жердину, Виктор.

Почему же Ленка со товарищи не вернулись к реке, зачем они полезли дальше в ущелье? «Конкретно, по сути?» – как сформулировал в привычной своей манере Артишок. На этот вопрос ответа не было, зато невидимые для Олега следы явно вели дальше в распадок: Виктор и бакенщик это заявили уверенно. Выбора не оставалось – пошли дальше.

Вскоре наткнулись на русло пересохшего ручья, пришлось перебираться через него, прыгая с валуна на валун. Похоже, в период таяния горных снегов поток здесь промчался мощный, он натащил с гор немало камней, набросал, как попало. Соскользнёт нога с покатой глыбы, и костей не соберёшь... Повезло, прошли почти без потерь, только Тёма зашиб коленку и долго ныл, намекая на то, что у него, как минимум, вывих. Потом сообразил, что из паршивого этого места выбираться всё равно нужно, и заткнулся.

И опять тянулась невесть куда всё та же почти забитая травой тропинка, опять медленно уходили за спину горы...

– Однако идём правильно, – неожиданно заявил Яков Антонович. – Здесь мы с геологами проходили. Вон ту каменную тигру я помню.

Тигр не тигр, но отдельно стоявшая скала и в самом деле напоминала огромную кошку, готовую к смертельному броску: нависла над тропой, выбрала момент и вот-вот кинется на проглядевшего её растяпу...

Стены ущелья постепенно раздвигались, скалы справа, правда, ничуть не изменились, зато осыпи слева сошли на нет, исчезли, теперь этот склон был почти сплошь покрыт плотным слоем противного жёлто-зелёного цвета лишайников – словно запущенные гноящиеся раны разъедают камень...

Яков Антонович с Виктором шли впереди, внимательно всматривались в землю, иногда о чём-то негромко переговаривались. Олег старался не отставать от них, но ощущал, что ноги его уже налились усталостью и чем дальше, тем больше она сковывала движения. Тёма плелся позади всех, дыхание с хрипом вырывалось из его груди, глаза слезились. Поначалу он то и дело прикладывался к пластиковой бутылке с минеральной водой, явно не веря словам бакенщика, что чем больше на ходу пьёшь, тем более мучает жажда. В конце концов Яков Антонович

«виши»³ у него отобрал, и теперь Артишок только облизывал пересохшие губы, – на то, что не стоит потреблять в такой ситуации коньяк, ума у него, по-видимому, хватало.

Олег оглянулся на Тёму. Весь взмок от пота, бормочет себе под нос что-то, судя по выражению лица, злое, но настырно передвигает ноги. Почему он пошёл вместе со всеми? Предлагали ведь дожидаться в доме у бакенщика, нет, отказался. И зачем он вообще оторвался от насиженного кресла и привычно-покорных баб? Любит Елену? Три раза «ха-ха». Никого Тёма никогда не любил, он на это просто не способен. Разве что себя драгоценного, да и то лишь как объект ублажения собственной пухнувшей плоти и удовлетворения её желаний. Для того и политическую карьеру пытался сделать, поэтому и в «бизнес» нырнул с головой, как сантехник в канализационный люк...

Несколько лет назад, когда в «бизнесмены» рванули все, кто и термина этого никогда не слышал, стоял Олег у входа в киносмотровой зальчик – их тогда расплодилось больше, чем тараканов на кухне у непутёвой хозяйки. Внутрь заходить не собирался, знал уже, что увидит и услышит – тесную, пропахшую потом и вожделением комнатку, рябящий телевизор и гундосый голос переводчика, доносящего суть происходящего на экране до жадно вкушающих ранее запретный плод. Короче, стоял Алексеев, покуривал и бездумно разглядывал написанную кривыми буквами афишку:

Кровавый кулак

В главной роли непревзойдённый Брюс Ли!

Не шёл в тот день у Олега материал, хоть плачь – текст получался сухим, фальшивым. В таких случаях лучше всего на всё плюнуть и заняться чем угодно, только не относящемся к работе. Например, прогуляться и углубиться в изучение такой вот афиши.

Кто-то громко засопел рядом, Олег немного подвинулся и скосил глаза. Так, всё понятно – типичный образчик новой нарождающейся элиты. Зародыш, из которого, если верить трепачам-политикам, всенепременнейше вырастет что-нибудь яркое и вдумчивое. Лоб, правда, подкачал – всего-то пальца полтора в высоту, зато об затылок можно поросят бить. На шее – золотая цепь, поросшие коротким волосом пальцы сплошь окольцованы. Размороженный Пьер Скрипкин...⁴

– Слышь, мужик, – разверз уста представитель «новой России», – не знаешь, про что кино?

– Про Павлика Морозова, – мрачно буркнул Алексеев.

– Ну? – искренне удивился потенциальный зритель. – А чё там Брюс делает?

– Так он Павлика и играет, – пояснил Олег. – На него кулаки нападают.

– Крутое мочилов, наверно, получилось... – с пониманием отреагировал незнакомец. – Ну, спасибо, братан! Щас бабу свою с шопинга заберу, вместе с ней поглядим.

Алексеев смотрел ему вслед и гадал: откуда этикие повыползли да ещё в таком количестве? Придумать ответ на этот вопрос так и не успел – из-за угла вывернул Тёма. В малиновом пиджаке, который носил с большей гордостью, чем учёный академическую мантию. Был он не один, а с «компаньоном», которого называл не то Жоржем, не то Доджем («Это у него погоняло такое», – пояснил Артишок.)

Завидев Олега, он обрадовался так, словно нежданно-негаданно повстречал давным-давно потерянного брата.

– О! Кого я вижу?! – широко раскинув руки, радостно возопил будущий родственник (Алексеев об этом, естественно, даже ещё и не подозревал). – А мы в кабак идём... – Ответа не дождался и предложил: – Айда с нами!

---

³ Виши – вода с природными ароматическими и вкусовыми добавками.

⁴ Герой пьесы В. Маяковского «Клоп».

– Я за сигаретами вышел, денег не взял, – честно предупредил Олег, ловко уклоняясь от липких объятий Тёмы.

– Неважно, – барственно объявил тот и, привстав на цыпочки, дружески хлопнул Алексева по плечу. – Я угощаю!

В кабак – так в кабак, всё равно работа не идёт. Да и на перестроившегося комсомольского вожака Тёму поглядеть любопытно...

После рюмки вонявшего нефтью «коньяка» (водка, впрочем, имела в этом да и в других ресторанах такой же «аромат» и привкус), Олег спросил:

– Что отмечаете?

– Дело удачное провернули, – важно отозвался Тёма. – Деньгу зашибли, хватит, чтобы хорошо вечер провести.

– А потом?

Тёмин «компаньон» поднял на Алексева удивлённые глаза, подивился, видимо, неразвитости и тупости нового знакомого и сказал:

– На завтра тоже дела есть. Опять сможем нормально выпить и пожрать.

– А потом?

– А что ещё нужно? – не понял Жорж-Додж, но потом всё же снизошёл до пояснения: – Я светлое будущее больше строить не собираюсь. Хватит! Жить нужно моментом. Постоянно. Тогда будет о чём вспомнить в старости.

И Олегу вдруг стало невыносимо скучно. Он смотрел на жадно отдающихся «веселью» Тёму с приятелем, а перед глазами вставала свинья, довольно хрюкающая под инфракрасной лампой. Она тоже удовлетворила свои ежеминутные потребности, проще говоря, нажралась от пуза, и теперь ждала, когда организм избавится от съеденного, и можно будет снова жрать...

Нет, из-за любви Тёма и пальцем не шевельнёт. Да и не знает он, что это такое. Страсть, вожделение, удовлетворение ещё одной естественной потребности, пожалуй. Но не любовь...

Что же этот гад задумал? Олег пару раз пытался прижать его к стенке, не признаётся. Глазки честные, аж слеза на них наворачивается. Только что не крестится...

Яков Антонович и Виктор, по-прежнему шедшие первыми, неожиданно остановились, и углубившийся в свои мысли Алексеев едва не уткнулся им в спины. Впрочем, причина остановки стала ясна сразу, без пояснений.

Гарь. Когда-то огонь прошёл широкой полосой поперёк распадка, но вверх и вниз по ущелью почему-то не распространился. Он опалил и повалил деревья, закалил до почти сталистой крепости острые сучья. Хо́да вперёд нет...

– Судя по всему, года три назад горело, – пояснил бакенщик. – Странно... Я тогда частенько мимо проплывал, но дыма от пожарища не приметил...

– Это что же, они туда забрались? – со страхом спросил подошедший Тёма.

– Следы так указывают, – пояснил Яков Антонович. – Согласен, Витя?

Переквалифицировавшийся в следопыта секьюрити молча кивнул.

– Вот только как они пробирались, не могу понять... – продолжал бакенщик. – Ладно, берёмся-ка, ребята, за топоры, без них мы точно не пройдем.

Часа три пробивались они через эту проклятую гарь – порвали одежду, измазались в саже и вымотались до полного предела. Тёма, едва выбрался на чистое место, сразу же рухнул, Олег выглядел немногим лучше экс-родственника, да и Виктор явно сдал. Даже Яков Антонович, привыкший к трудным переходам по тайге, заметно устал. Было ясно, что двигаться дальше без роздыха невозможно. Да и неясно было, куда идти, – следы Востриковых и Ленки они давно потеряли.

Немного отдышавшись, бакенщик разложил на траве прихваченную из дома снедь. Аппетита ни у кого не было, но поесть пришлось – нужно же восстановить силы. Тщательно пережёвывая кусок мяса, Яков Антонович сказал:

– Ты, Иваныч, оставайся здесь. Вместе с Артемием. Отдыхайте. А нам с тобой, Витя, придётся следы поискать. Я направо подамся, а ты ту сторону осмотри...

Вскоре они ушли.

Олег лежал на траве, бездумно рассматривал кривую лиственницу, цеплявшуюся за скалу, и чувствовал усталость, волнами накатывающуюся на измученное тело. Да, засиделся за столом, давно не был в настоящих переходах, вот и раскис. Ничего, главное сегодня продержаться и завтрашний день выдержать, потом станет полегче, организм втянется в работу...

– Кто, интересно, тут пожар устроил? – спросил Тёма, после чего добавил своё извечное: – Конкретно, по сути?

– Молния, скорее всего, – откликнулся Алексеев.

– А вдруг тут крутые бандюганы прячутся? – в голосе Артишока послышался страх.

– Ага. Едят кору с деревьев и ждут, когда придёт придурок пожирнее. Не смейся.

– Пожалуй... – поразмыслив, заявил Тёма. – Сюда только такие чудики, как мы, забрести могут. Или сестрица твоя придурочная.

– Заткнись, – вяло посоветовал Олег.

– Да я что?.. – засуетился Артишок. – Я ничего... Это я, конкретно, по сути, в хорошем смысле, а не чтобы обидеть...

– Вот и молчи... – Алексеев смежил веки.

Но, видно, держать рот на замке было Артишоку неважно. Он побряхтел, поворочался, тайком побулькал фляжкой и вдруг заявил:

– Ты только посмотри на эту гадость... Конкретно, по сути!

Олег открыл глаза. Со скальной стенки в ущелье сползало тяжёлое облако. Оно опускалось всё ниже, казалось, что вот-вот сырая мгла заполнит собой весь распадок, но внезапно облако замерло и медленно поползло в сторону Тыи, цепляясь за вершины деревьев.

– Обычная в этих местах картина, – пояснил Алексеев. – Вот если дождь нанесёт, будет паршиво.

Тёма молчал, завороченно разглядывая мрачные серые клочья, плывущие у них над головами...

Вернувшийся минут через сорок Яков Антонович тяжело опустился на небольшой валун и сказал:

– Отыскал я тропинку. Вот только, похоже, что никто по ней давненько уже не проходил. Непонятно... Может, Вите больше повезёт.

Но и секьюрити вернулся с пустыми руками.

– Нет следов, – он виновато посмотрел на бакенщика. – Да там вообще не пройти. Камнюга на камнюге...

– Ладно. – Яков Антонович закинул на спину рюкзак. – Пора, ребятки. А то солнце уже к закату клонится. Если ничего не найдём, подберём местечко получше, там и заночуем. А вы смотрите вокруг повнимательнее...

Хорошо ещё, что после гари дорога стала полегче. Камни исчезли, землю покрывал толстый ковёр мха – ноги тонули в нём по щиколотку. Да и усталость отступила вместе с неприятным чувством тревоги, одолевавшим Олега с момента, когда они углубились в ущелье. Пошли веселее.

К тому времени, когда в быстро сереющее небо выкатилась молодая луна, впереди показался прогал – скалы расступались, показывая полосу вечернего неба. Еще несколько десятков шагов – и они неожиданно очутились на обрыве. На очень знакомом обрыве...

Внизу привольно несла свои воды Тыя, лёгкие волны постукивали в борта лодки бакенщика, на песчаной отмели по-прежнему лежал полусдувшийся катамаран...

2

Яков Антонович долго озадаченно покачивал головой и чесал в затылке. Потом признался:

– В жизни, ребята, со мной такого конфуза не случалось... Поневоле в лешего поверишь, который путников по чащобе кружит. Но здесь-то и чащи нет, распадок, язвы его. Да и бывал я уже в этих местах, давненько, правда, но ведь бывал же. Ничего не понимаю...

– Может, камнепад за эти годы ущелье завалил? – осторожно предположил Олег.

– Какой там камнепад... – расстроено махнул рукой бакенщик. – Мы ж всё время правой стенки держались, вдоль скал шли, а они тут, поди, больше мильёна лет стоят. А сестра твоя с друзьями куда подевались, ежели всю эту долинку можно за половину дня вокруг обойти?

Он немного помолчал, потом с ожесточением закончил:

– Я так думаю, что есть смысл здесь, на обрыве, заночевать, а то, если в Ахтимнеево подадимся, много времени потеряем зря.

– Само собой, – авторитетно заметил Тёма. – Нужно пораньше встать и идти быстрее. Дорога уже знакомая, и ход через гарь мы, конкретно, по сути, прорубили...

«Мы пахали», – усмехнулся про себя Алексеев. Тёма топора так и не взял в руки ни разу, плёлся последним, и Виктору несколько раз приходилось то отцеплять «босса» от обуглившихся сучьев, то перетаскивать его через рухнувшие после пожарища стволы деревьев.

– Я отабориваться начну, – предложил Яков Антонович. – Иваныч с Артемием мне подсобят, а ты, Витя, поищи вон в той стороне родничок, он где-то неподалёку должен быть. Воды у нас немного, так что запас не помешает.

– Видел я тот родник, – откликнулся Виктор. – Из-под скалы вытекает и почти сразу же ныряет под камни.

– Вот-вот, о нём я и говорю. Вода там хорошая. А мы, ребятки, давайте поторопимся, а то скоро совсем темно будет.

Вскоре они уже отдыхали возле небольшого, но жаркого костерка. Бакенщик, сильно расстроенный «конфузом», который относил только на свой счёт («Что взять с городских людей, с тайгой незнакомых?») поначалу отмалчивался, остальные тоже не испытывали особого желания начинать разговор.

«Ерунда какая-то получилась, – размышлял Алексеев. – Шли всё время прямо, прорубились через гарь, вышли с противоположной стороны и опять очутились на берегу Тыи... Чушь, чушь, чушь... Однако ж всё именно так и вышло... Но где же Ленка, где Востриковы? Непонятно. А мы ещё день потеряли, считай, впустую...

Стемнело-то уже основательно... Артишок отодвинулся в тень, то и дело прикладывается к фляжке, сосёт своё пойло. Не надрался бы, приводи его потом в чувство. А, оставим в крайнем случае здесь, пускай сидит у лодки, пузо на солнышке греет. А Яков Антонович с Виктором о чём-то негромко переговариваются. Никак детство вспоминают?»

– Я, Витя, в России рос, далеко от этих мест, – рассказывал бакенщик. – Речка у нас в селе была. Шуки в ней водились приличные, голавли. Ну, это для серьёзных рыбаков. А мы, пацаны, окушков таскали и прочую плотву. Или вот ещё такая рыбёшка есть – уклейка. Вроде бы, тьфу, мелочь, а в трудные годы она нас здорово выручала. Набьешь мух, на крючочек нанизаешь... А потом главное не зевать – уклейка наживку мигом сшибает. Она стайками ходит, у самой поверхности, вымотришь, где по воде круги идут, туда и забрасываешь. Стайка уходит, и ты за ней по берегу. Так, бывало, за день набегаяешься, что и ноги не держат, зато десятков пять-шесть уклеек домой принесёшь – всё к столу добавка...

– У меня друг в Тирасполе живёт, письмо недавно прислал, – произнёс Виктор. – Так тоже про эту уклейку пишет. Хожу, мол, на Днестр, тягаю её, потому как одной травой с огорода питаться скучно. Работы нет, денег тоже...

– Вписываться нужно в изменившиеся реалии... – буркнул Артишок, но никто на его слова не отреагировал.

– Да-а, – протянул Яков Антонович. – Такие, значит, дела... – Он покрутил головой, но развивать эту тему не стал, а вновь вернулся к воспоминаниям: – Ещё мы бычков ловили. Таких же, как в море водятся, только в реке они помельче, но и повкуснее. Ветку сломаешь, леску к ней привяжешь, крючков сколько есть. Главное не спешить, подождать пока за каждый бычок ухватится. Сначала самые крупные наживку хапают, потом помельче. Видишь, что уже совсем мелочь пошла, значит, пора место менять.

– У нас бычки не водятся, – сказал Виктор. – Раньше ершей много было, такие же жадюги. Нас в пионерлагере на рыбалку водили. Какая там рыбалка: шум, гам. А ершам всё равно. Но какая уха с ними получается, м-м-м! (Тёма звучно сглотнул слюну.) Потом загадили реку, и исчезли ёршики...

– Это мы умеем, – согласился бакенщик. – Когда рудник на Тые ставить собирались, тоже были разговоры, что загубят реку. Да вишь, как всё в жизни обернулось...

Что-то серое внезапно вымахнуло из-за деревьев, увернулось от взлетающих к ночному небу искр и кануло в темноте. Повисел в воздухе странный угрожающий вскрик, напоминавший не то стон, не то плач, но и он быстро угас...

Олег почувствовал, что его лица коснулись то ли мягкие перья, то ли обрывки истлевшей материи. И тут же встрепенулся сидевший в стороне Артишок.

– Вот зараза! – выругался он. – Прямо по морде зацепила. Конкретно, по сути! Кто это?

– Не знаю... – растерянно признался бакенщик. – Для совы слишком уж велика. Да и нет здесь никакой живности. Только и мне поместилось, ровно перьями по лицу проехало...

– Мне тоже, – коротко произнёс Виктор.

– Может, это злой дух? Летел по своим пакостным делам и случайно на нас напоролся, – предположил Алексеев, но тут же понял, что шутка получилась, пожалуй, не очень удачной...

3

Вышли с рассветом. Бакенщик что-то недовольно ворчал себе под нос, внимательно всматриваясь в тропу под ногами и скалы, как и прежде остававшиеся по правую руку. Поначалу шли ходко, но потом совершенно неожиданно попали в заросли невысокой травы, на которую накануне внимания как-то не обратили. Её толстые короткие стебли словно пытались ухватиться за придавливающую их обувь и потом долго ещё напряжённо шевелились.

«Вот же гадость, – размышлял Олег, выдирая ноги из цепких захватов. – Цепляются, как пальцы. Знаю, что есть растения, реагирующие на прикосновения, но о таком не слышал. Может, хищник какой? Росянка же ловит насекомых, а потом с аппетитом потребляет. Только непонятно, кого эти пальчики цапают. Для мух-жуков они явно великоваты...»

По-заячьи заверещал Тёма. Оказалось, что он остановился «по своим делам», а когда решил идти дальше, не смог сдвинуться с места – жадные стебли цепко держали его за брюки. И опять Виктору пришлось выручать своего «босса» – несколькими быстрыми взмахами ножа он обрезал травянистые «пальцы». Обрубки судорожно изгибались, из них сочилась странная, напоминающая по цвету сукровицу жидкость.

– Здесь лучше не задерживаться, – ни к кому конкретно не обращаясь, посоветовал Яков Антонович. – И ногу ставьте потвёрже.

Олег так и поступил. Теперь гадостные стебли лопались под подошвой, обильно разбрызгивая всё ту же тошнотворную жидкость. Она вдобавок ещё и отвратительно воняла – не то какой-то дохлятиной, не то чем-то протухшим.

Хлюп, хлюп, хлюп...

«Повезло вчера, что обошли эту травянистую помойку стороной. А сегодня почему вляпались, идём-то вроде бы той же дорогой...»

Хлюп, хлюп, хлюп...

«Где же Ленка, где её шепутные спутники? Накануне хоть какие-то следы нашлись, а сегодня вообще ничего...»

Хлюп, хлюп, хлюп...

«Голова уже от этой вони кружится, того и гляди стошнит...»

Хлюп, хлюп, хлюп, хлюп...

– Держитесь, ребята! – это Яков Антонович. – Немного осталось.

И точно – под ногами захрустел мелкий гравий, да и воздух заметно очистился. А Виктор почему-то задержался среди стеблей травы-цеплялки, рассматривает что-то под ногами, машет бакенщику, подзывает к себе. Придётся возвращаться...

Гнилостный запах едва не вызвал приступ рвоты. Нет, к такому привыкнуть невозможно... Что они там нашли?

Стебли-пальцы всё той же травы. Уже завядшие. Но они отрезаны ножом. Значит...

– Ваши проходили здесь, – уверенно заключил Яков Антонович.

– Почему именно они? – прокричал Тёма, предусмотрительно остановившийся подальше. – Конкретно, по сути?

– А больше-то и некому, – пояснил бакенщик.

Дорога пошла под уклон.

– Что за трава такая пакостная? – поинтересовался Виктор.

– Леший её знает, – отмахнулся Яков Антонович. – Первый раз с таким сталкиваюсь.

– У вас тут химкомбинатов вроде бы нет? – спросил Олег.

– Отродясь ничего подобного не водилось. А к чему ты спрашиваешь?

– Да один мой знакомый побывал на небольшом озере возле Арала. Туда лет тридцать всякую дрянь с химических заводов сливали и сбрасывали. Не вода уже в этом озере, а ядовитый рассол. Вот только рыба не вся передохла, кое-кто приспособился. Одну при нём выловили. Голова, говорит, здоровенная и почти сразу в хвост переходит, тела почти что и нет. По морде карп-карпом, но с зубищами, острыми, как у щуки.

– Тьфу, – сплюнул бакенщик. – У нас, слава богу, такой дряни нету. Это что же дальше будет с тем озером и с тварями, что в нём водятся?

– Кто же знает? Может, новые динозавры из него на берег повылезут...

Вонючая слизь никак не хотела отчищаться с ботинок, и Алексеев обрадовался, заметив невдалеке неширокую речушку. Хоть обувь можно будет отмыть, да и немного освежиться тоже лишним не будет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.